

АНАТОЛИЙ БРЕСЛАВСКИЙ

КТО И КАК ИЗУЧАЕТ ПРИГОРОДЫ КРУПНЫХ ГОРОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?¹

Бреславский Анатолий Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук; Российская Федерация, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6.

E-mail: breslavsky@imbt.ru

В статье дается краткий обзор исследований пригородов в России до начала 2020 года. В начале автор дает краткую экспозицию предмета исследований и отмечает, что бурное развитие пригородов и урбанизация — стороны одного процесса, хотя их темпы могут не совпадать. Отмечая специфику бурного роста пригородов на постсоветском пространстве («постсоциалистической пригородной революции»), вслед за восточноевропейскими коллегами он приводит пять обусловивших это причин: дерегуляция в релевантных городских сферах (управление, строительство, рынок недвижимости и т.д.), компенсация исторической нехватки жилья, деиндустриализация городов и инфраструктурный кризис центральных городских микрорайонов, массовые внутренние миграции в большие города и приход крупных инвестиций в пригородную недвижимость.

Далее автор обсуждает тематику и работы исследователей пригородов по дисциплинам и географическим регионам. Основными направлениями изучения субурбанизации являются популяционная и миграционная динамика пригородных территорий, многообразие дач, география пригородов. Отмечается, что поле только начинает складываться в России: ученых немного, немногочисленные исследовательские кейсы разбросаны по стране и не позволяют делать обобщения о состоянии пригородов в стране в целом, поэтому картина развития пригородов в общероссийском масштабе складывается преимущественно на материале демографических данных.

Ключевые слова: пригороды; субурбанизация; урбанизация; миграция; дача; постсоциалистическая пригородная революция

Цитирование: Бреславский А.С. (2020) Кто и как изучает пригороды крупных городов в современной России? // Городские исследования и практики. Т. 5. № 4. С. 16–34. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202016-34>.

Введение

Полвека назад Анри Лефевр в книге *La revolution urbaine* (1970) обратил внимание на необратимость урбанизации и заявил о приходе «городского общества» [Lefebvre, 2003]. За прошедшие десятилетия мир действительно стал еще «более городским». Однако по мере того, как разворачивается «городская революция» Лефевра, планету охватывает и «пригородная революция», тесно связанная с повсеместным расширением городов за счет их периферийных территорий. Современный мир становится

все более пригородным, а сама глобальная урбанизация, как отмечает Роджер Кейл, один из ведущих специалистов в современной сравнительной урбанистике, находит свое воплощение преимущественно в субурбанизации, связанной с освоением старых и новых периферийных городских территорий [Keil, 2017]. И речь здесь уже не только о развитых странах глобального Севера, но и о развивающихся странах.

В текущих дискуссиях о региональных формах урбанизации и субурбанизации, спровоцированных расширением географии *suburban studies* за пределы развитого мира, особое значение приобретают и крупные постсоциалистические города. В последние 30 лет они пережили собственную «пригородную революцию», связанную со взрывным ростом частной застройки пригородных

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания: проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия XVII–XXI вв.» (номер госрегистрации: 121031000243-5).

территорий после нескольких десятилетий государственных ограничений. Этот феномен наши восточноевропейские коллеги уже назвали «постсоциалистической пригородной революцией» [Stanilov, Sykora, 2014]. Она произошла в результате смены социалистического проекта, жестко определявшего порядок развития городских и пригородных территорий в наших странах, на неолиберальный, предполагающий ослабление роли государства в управлении городами и усиление влияния на их развитие рыночных, частных субъектов.

Движущими силами этой пригородной революции, как мы можем сейчас заметить, стали пять основных факторов. Во-первых, демократизация государственного управления в сфере городского развития: уход государства из управления городами, либерализация отношений в области распределения и застройки городских и пригородных земель, формирование рынка жилья, рынка кредитования и ипотеки, которые и обеспечили взрывной рост частной застройки наряду с развитием частного строительства в последние 30 лет.

Вторая причина взрывного роста крупных постсоциалистических городов, многие из которых пережили настоящий промышленный бум в советский период, — историческое наследие в виде перманентного жилищного кризиса и недостатка жилья. В 1990–2010-е годы этот дефицит был восполнен именно за счет освоения пригородных, периферийных городских территорий, освоение которых требовало меньших ресурсов, чем реконструкция и переобустройство центральных городских областей.

Третья причина — деиндустриализация городов и инфраструктурный кризис центральных городских микрорайонов, подтолкнувшие многих горожан к выезду в «частный сектор», в том числе в более благополучные с точки зрения инженерной инфраструктуры и социального окружения пригородные районы, а также в районы, которые могли не иметь базовых городских систем тепло- и водоснабжения, но устраивали новых хозяев своей автономностью.

Четвертый фактор взрывного роста периферийной застройки крупных постсоциалистических городов — массовые внутренние миграции с сельских территорий, из малых и средних городов в столичные и региональные центры. Эти миграции не завершаются, поскольку диспропорции в развитии сель-

ских и городских территорий в наших странах (не во всех, но в большинстве) никуда не исчезли. Названные центростремительные потоки могут и пересекаются с субурбанизацией в этих городах, связанной с переездом (желаемым или вынужденным) горожан из центральных городских районов в пригородные.

Пятый фактор, который в большей мере относится к крупным столичным городам, — усиление роли крупных частных инвестиций в освоении пригородных территорий. Речь идет о капиталах крупных строительных и инвестиционных компаний, которым стал интересен рынок жилья и коммерческого строительства в постсоциалистических странах.

Совокупность этих факторов и привела к существенному, даже взрывному росту частной застройки в наших пригородах. В зависимости от региональных факторов новые и обновленные периферийные городские и пригородные районы приобрели разные формы, масштабы, функциональное значение. В одних городах это типологически схожие массивы усадебной, дачной застройки, коттеджного, многоэтажного строительства, микрорайоны таунхаусов в разных их соотношениях, в других — еще и нежилое строительство: промышленные, торговые, складские, транспортно-логистические, рекреационные центры и т.п. Меняются и прежние малые города, поселки и села, которые находятся в зоне влияния крупных городских агломераций. Многие из них становятся пригородными уже не только в физико-географическом, но и в социально-экономическом смысле, когда усиливаются их связи с городскими центрами.

От года к году мы наблюдаем, как продолжающаяся урбанизация и набирающая обороты субурбанизация становятся все более заметным явлением в развитии крупных городов на территории бывшего СССР [Stanilov K., Hirt S., 2009; Stanilov, Sykora, 2014; Бреславский, 2017б; Бреславский, 2019б]. Население наших стран все больше превращается в городское, концентрируется вокруг крупных городских агломераций. Не только столичные города, но и крупные региональные центры демонстрируют демографический и территориальный рост за счет освоения новых пригородных территорий. Однако это происходит не повсеместно и не со всеми крупными городскими центрами.

Расширяя зоны городской периферии, урбанизация и субурбанизация в разных их формах приобретают все большее значение в развитии и переформатировании как городских центров, так и городских агломераций, а также окружающих их регионов в целом. Периферийные городские территории начинают оказывать существенное влияние на городские экономики, транспортные системы, системы социального обеспечения, инженерные системы и напрямую влияют на политику в наших городах. Словом, уже не только специалисты, системно исследующие эти процессы, но и рядовые горожане, а вместе с ними жители пригородов осознают, что пригородные зоны крупных городов оказывают заметное воздействие на сами города и регионы, центрами которых они являются.

Однако об этой возрастающей роли, которую пригородная инфраструктура и жители пригородов играют в жизни крупных городов на постсоветском пространстве, мы знаем не так уж и много. Помимо прочего это связано с тем, что поле пригородных исследований в наших странах лишь начинает складываться — как минимум в России и странах Центральной Азии. Главным образом такое положение дел связано с тем, что урбанистика как интегративная область знаний о развитии городских систем лишь начинает у нас развиваться.

К таким выводам мы пришли по итогам двух научных семинаров в городе Улан-Удэ в 2017 и 2019 годах, посвященных развитию пригородных исследований в России и в постсоциалистических странах в целом [Бреславский, 2017б; Бреславский, 2019б]. Эту мысль подтвердит и последующий обзор отечественных исследований российских пригородов.

Здесь стоит отметить, что крупные города России, выстроенные преимущественно в социалистический период по вполне определенным принципам градостроительства, постепенно, а где-то и очень динамично меняются. Кардинальное изменение условий, в которых они развивались в XX веке, произошло в 1990–2000-е годы. Демократизация, переход к рыночной экономике, отказ от централизованного планирования, деиндустриализация и кризис сельских территорий, формирование рынка жилья, либерализация отношений в области распределения и застройки городских и пригородных земель, развитие частного строительства и пр. — все это предопределило новые тенденции в тер-

риториальном и демографическом развитии крупных городов и их пригородов. На наших глазах возникли многочисленные коттеджные поселки, таунхаусы, микрорайоны домов усадебного типа, высотки. Активно переобустраиваются под круглогодичное проживание советские городские и пригородные дачи. Меняют свой облик и трудовую ориентацию села, поселки, малые города, расположенные неподалеку от крупных городских центров. Формируются новые связи между большими и малыми городами в рамках крупных агломераций. В результате миграций активно перестраиваются системы расселения в регионах и в стране в целом.

Все эти процессы в России вполне укладываются в модель «постсоциалистической пригородной революции», о которой шла речь выше. Однако далеко не все крупные города России и окружающие их пригородные зоны демонстрировали бурный демографический и территориальный рост. Где-то пригороды растут вместе с городами, где-то быстрее или медленнее городских центров, где-то вопреки упадку своего города. Словом, не все так однозначно.

В пространственно дифференцированной России процессы формирования новых сегментов пригородных зон и переобустройства старых приобрели явно многоукладный характер. Различия в уровне и возможностях экономического развития регионов, климатических условиях, истоках и характере продолжающейся урбанизации, масштабах разворачивающейся субурбанизации — все это определяет разнообразие процессов пригородного развития в России, о котором мы пока знаем крайне мало.

В отдельных регионах России пригороды крупных городов приобрели разные формы: мало- и многоэтажные, только жилые или смешанные (промышленные, торговые, рекреационные и пр.), элитные, для среднего класса, бедных или смешанные, поли- или моноэтнические, застроенные государством (под его контролем), частным бизнесом или самими жителями самостоятельно, в том числе самовольно, запланированные или построенные стихийно и т. д. Где-то пригороды выстраиваются на ранее неосвоенных территориях, а где-то — на основе возникших когда-то сел, деревень, поселков, малых городов путем их полной или частичной перестройки. В одних случаях пригороды формировались вследствие продолжающейся урбанизации, демографического роста «переполненных»

городов, в результате притяжения в них сельского населения, населения малых городов. В других — вследствие набирающей масштабы субурбанизации, связанной с переездом жителей из центральных городских микрорайонов в пригородные в логике классической англо-американской модели. Более конкретно говорить об источниках пригородного роста, о роли урбанизации и субурбанизации в этих процессах мы пока также, увы, не можем из-за слабости российской статистики и малого количества региональных исследований.

Но, несмотря на ощутимые различия между городами в отдельных регионах России, сегодня мы все же можем выделить основные сегменты формирующихся пригородных зон, обозначить масштабы этих процессов, указать на их текущие и возможные последствия. Последствия — это то, что обычно привлекает внимание широкой общественности, когда речь заходит о городском и пригородном развитии на локальном уровне. Речь может идти о стихийном, нерегулируемом государством и муниципалитетами характере застройки, нерешенности проблем с транспортной доступностью, пассажирским сообщением, о развитии инженерной и социально-бытовой инфраструктуры, повышении нагрузки на города и пр. В более широком смысле стихийное стягивание населения в столичные (в том числе региональные) города, которое стало характерным явлением последних лет в России, вызывает беспокойство за развитие сельских территорий и малых городов.

В России новые системы расселения в схеме «город — пригород — село» пока недостаточно изучены как на общегосударственном, так и на региональном уровне, хотя значимые работы все же выходят в свет (см., напр.: [Нефедова и др., 2016]). Известные проблемы со структурой и качеством российской статистики, уточнение, конкретизация количественных данных требуют дополнительных полевых обследований в регионах страны. В то же время крайне мало специалистов, последовательно занимающихся изучением миграции населения, урбанизации, субурбанизации, территориального развития в регионах. При наличии внушительных перспектив для анализа в этой сфере социальных исследований пока мало региональных отечественных ученых, что порождает проблемы в организации сравнительных и обобщающих работ.

При этом мы видим, что факторы нарастания «постсоциалистической пригородной революции» применимы и к России. Периферийные районы крупных российских городов — их окраины и пригороды — как минимум в последние два десятилетия пережили схожие процессы обновления и переобустройства. Движущими силами этих изменений были по крайней мере первые четыре причины, о которых шла речь выше. В гипертрофированном виде это происходило в Москве, в меньшей степени — в Санкт-Петербурге, несоизмеримо меньше, но все же заметно — и в других региональных столицах. Речь идет о трансформации пригородов крупных городов в результате продолжающейся урбанизации (в том числе за счет центростремительной первичной сельской-городской миграции) и набирающей обороты субурбанизации. Причем два этих процесса могли происходить синхронно, влияя друг на друга, порождая гомогенные и гетерогенные формы пригородных поселений и сообществ в российских городах.

Случай России среди прочих государств на постсоветском пространстве особенный. Прежде всего в силу многоукладности страны — множественных региональных различий, составляющих сложную «природу» отечественной урбанизации и субурбанизации. Это касается, в частности, источников — движущих сил и масштабов этих процессов, условий, в которых они развивались прежде и развиваются сегодня, а также практики муниципального и регионального регулирования этих процессов.

Пригородные исследования в современной России

Для понимания региональных характеристик и особенностей развития пригородов крупных российских городов необходимо обратить внимание на все 85 субъектов РФ, по возможности выделить типологически близкие регионы, сгруппировать их и проанализировать если не все, то отдельные кейсы в разных группах. Для решения этой задачи мы должны располагать сопоставимыми данными по регионам, которые были собраны и проанализированы по единой методике. Что же мы имеем в настоящее время?

На начало 2020 года, судя по данным портала eLIBRARY.RU (РИНЦ), который интегрирует основные потоки публикаций российских авторов, более или менее системные

полевые исследования пригородных зон крупных городов в последние 15 лет проводились лишь в 9 из 85 субъектов РФ. Сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, как обыватели и наблюдательные жители и гости российских городов мы видим происходящие изменения, осознаем их общественную значимость. С другой — не можем дать им надежную оценку как в общероссийском масштабе, так и по большинству регионов страны.

При этом в российском поле пригородных исследований работы двух российских авторов (Н.В. Мкртчян и К.В. Григоричев) задают достаточно широкую рамку для понимания текущей ситуации в демографическом и территориальном развитии пригородов крупных российских городов. Ответы на некоторые самые общие вопросы дал анализ статистики по регионам. Эту работу в общероссийском масштабе начал Мкртчян [2017], проанализировав данные текущего учета долговременной миграции, основанные на системе регистрации по месту жительства и с 2011 года — по месту пребывания. Благодаря этому мы получили важные ориентиры для понимания демографических параметров пригородного развития современной России (правда, только в разрезе миграции, численности и размещения населения и только по городским округам и муниципальным районам).

В своем исследовании 2017 года Мкртчян на основе методики выделения пригородных территорий, учитывавшей актуальное административное деление России и связанные с ним информационные ограничения, пришел к следующим значимым для нас выводам. Во-первых, сравнивая данные по численности населения 78 региональных центров и их пристольных территорий в межпереписной период 2002–2010 годов он отмечает: темпы роста населения пригородов опережали в это время темпы роста самих региональных центров [Мкртчян, 2017, с. 26–36]. Это свидетельствует о том, что продолжающаяся урбанизация и начавшаяся субурбанизация развиваются с демографической точки зрения в большей мере в пригородных зонах крупных российских городов, а не в центральных городских микрорайонах, которые в целом уже были застроены и заселены в советский период и в первое постсоветское десятилетие. Второй важный тезис этого исследования — население пристольных территорий в регионах России растет

не везде, равно как население самих городских центров. Где-то пригородные поселения растут очень динамично, где-то умеренно, где-то вместе с региональным центром, а где-то вопреки уменьшению численности его жителей. В целом же рост населения пригородных территорий отмечен в 55% регионов страны [Мкртчян, 2017, с. 30–31], а региональные центры и их пригороды остаются едва ли не единственными точками, в которых мы наблюдаем положительную динамику движения населения в современной России.

Другие расчеты этого автора с использованием данных о балансе миграции столиц и их пригородных территорий показывают, что в России в 2010-е годы — с опозданием по сравнению с США, странами Западной и даже Восточной Европы — начался процесс субурбанизации, исторически следующий за урбанизацией [Мкртчян, 2019a]. Еще один тезис автора, который привлекает внимание: миграционный прирост населения пригородов региональных столиц России (без учета Москвы и Санкт-Петербурга) в 2012–2016 годах был обеспечен преимущественно внутрирегиональной миграцией, а не межрегиональной или международной миграцией. Этот тезис особенно важен в контексте источников роста российских пригородов. В своих недавних публикациях Мкртчян продолжил анализ региональных статистических данных по развитию пригородных и, в частности, пристольных территорий, обратив внимание на возрастные характеристики этих процессов. В том числе, он пришел к следующему выводу: пригороды региональных столиц от самих столиц в среднем отличается не только более интенсивный миграционный прирост, но и особенности его возрастной структуры. Центры притягивают молодежь прежде всего в возрасте поступления в вуз; пригороды, напротив, привлекательны для семей с детьми и населения в средних и пожилых возрастах [Мкртчян, 2018].

Пригороды могут рассматриваться не только в сравнении с городами, вокруг которых они формируются, но и в сравнении с периферийными территориями. Пригороды — это чаще всего сельские поселения и чуть ли не единственный вид сельских территорий в современной России, демонстрирующий миграционный прирост населения [Мкртчян, 2019b]. Конечно, эти отличия обеспечиваются их выгодным положением вблизи крупных и крупнейших городов.

В целом расчеты Мкртчяна, опубликованные в серии статей в 2017–2019 годы, существенно улучшили, а по сути сформировали наше представление о количественных параметрах популяционной и миграционной динамики пристоличных территорий в разных регионах России и по стране в целом.

При этом — и это так или иначе проговаривает сам автор — анализ статистических данных дает нам самое общее представление о мобильности населения в регионах. Глубокое понимание влияния урбанизации и субурбанизации на пригороды крупных городов в конкретных регионах требует дополнительных полевых обследований, в ходе которых официальные данные учета населения могут быть проверены, уточнены, а также использованы для построения и проверки исследовательских гипотез. К примеру, было бы важно и интересно понять, почему наиболее динамичными темпами в 2000-е годы увеличивалось население пригородных территорий Брянска, Краснодара, Уфы, Белгорода, Иркутска, Улан-Удэ, Кызыла и Якутска, а не других российских городов? Что общего между этими городами? Каковы источники их роста и какие пространственные формы этот рост приобретает?

И здесь мы вновь сталкиваемся с недостатком региональных полевых обследований. Это не позволяет нам уверенно выйти на уровень макрорегиональных и общероссийских обобщений, задуматься о тех или иных вариантах теоретических построений с надежной эмпирической основой. Вместе с тем первые попытки такой аналитической работы уже есть — это исследования К.В. Григоричева. Опираясь на методику Мкртчяна, Григоричев представил анализ динамики численности пригородного населения региональных столиц всех сибирских и дальневосточных регионов по данным Росстата за 2002–2017 годы [Григоричев, 2018]. Он пришел к выводу, что в межпереписной период 2002–2010 годов средние темпы роста пригородных районов в Сибирском федеральном округе составили 108%, а заметная отрицательная динамика сложилась здесь только в Томской области. В регионах Дальневосточного федерального округа ситуация была иной: в большинстве субъектов численность пригородных районов убывала. При этом уже в 2010–2017 годы в Сибири не осталось ни одного региона с отрицательной динамикой населения в пригородных муниципалитетах, а на Дальнем Востоке она была зафиксирована только в Ев-

рейской автономной и Магаданской областях [Григоричев, 2018, с. 178]. Рост населения в пригородных районах Григоричев связывает с незавершенностью урбанизации в отдельных регионах Сибири и Дальнего Востока в советский период, а также с движением населения из крупных городов в пригороды, которое происходит в относительно урбанизированных регионах. Иными словами, с продолжающейся урбанизацией и начинающейся субурбанизацией. В этой работе он также обращает внимание на два базовых условия, которые, на его взгляд, определяют динамику темпов освоения пригородных территорий наряду с прочими универсальными факторами, о которых шла речь во введении. Первое условие — наличие в пределах города или городского округа пространств для реализации ценностей пригородного образа жизни — частного сектора, дач, межселитебных территорий. Второе условие — емкость пригородных муниципальных образований, связанная с возможностью приобретения земли или более или менее ее легальным занятием [Григоричев, 2018, с. 185–186].

Развивая эту идею, Григоричев обращает внимание на распространение субурбанизма как образа жизни в обширных массивах усадебной застройки частного сектора в таких крупных городах на востоке России, как Барнаул, Омск, Иркутск, Хабаровск и др. Опираясь на свои полевые наблюдения, интервью и анализ научной литературы, он отмечает: частный сектор, занимающий значительную часть пространства провинциальных городов, может выступать основным полем для распространения субурбанизма в постсоветских российских городах. При этом этот сегмент городской территории, который может оказаться одним из ключей к пониманию российского поля, обделен вниманием исследователей [Григоричев, 2017; 2019].

Предшествующие работы Григоричева также показывают, что пригороды крупных городов в России до сих пор существуют вне поля и внимания статистики и в целом властного регулирования, которое ориентировано на городские или сельские поселения. Субурбанизация как минимум в Восточно-Сибирском регионе остается не фиксируемым и не рефлекслируемым процессом, преимущественно основанным на неформальных практиках, в том числе миграционных [Григоричев, 2013а; 2013б; 2016].

Муниципальное законодательство подразделяет все поселения на городские и сель-

ские, а налоговый и бюджетный кодекс жестко ограничивает полномочия администраций городских центров и их пригородов, поэтому межмуниципальное взаимодействие в нашей стране слабо развито. В то же время пригородные поселения в регионах оказываются одними из наиболее быстрорастущих территорий, что требует от региональных властей повышенного внимания к ним и кооперации местных администраций с городскими — как минимум в решении задач социальной политики и развития социальной и инженерно-бытовой инфраструктуры [Бреславский, 2018].

Одним из серьезных ограничений для продвижения проблем пригородных поселений в политической повестке регионов является слабая вовлеченность региональных экспертов в их исследование и проработку. Зачастую пригороды попадают в фокус внимания отечественных ученых опосредованно, когда те изучают миграцию, системы расселения населения, (суб)урбанизацию и пр. (хотя и таких исследований единицы), и очень редко как первичный исследовательский объект.

Однако именно работы о внутренней (трудовой) миграции в России, об изменениях в системах расселения населения, как мы можем заметить, дают нам сегодня возможность говорить более или менее определенно о масштабах пригородного роста крупных российских городов, его источниках и региональных различиях [Звягинцев, Неуважаева, 2015; Флоринская и др., 2015; Нефедова и др., 2016].

Стоит начать, пожалуй, с исследований российских дач, поскольку именно их массовое преобразование в капитальные жилые сооружения, пригодные для постоянного проживания, стало значимым направлением субурбанизации на всей территории России. По сути дачи — это заложенная в 1960–1990-е годы основа для будущей субурбанизации в большинстве крупных городов нашей страны. Кроме того, дачи продолжают выполнять и свою изначальную функцию второго жилья горожанина, предназначенного для отдыха и любительского земледелия в теплое время года. Отметим, что среди прочих направлений пригородного развития городов в России, о которых говорилось выше, именно дачная субурбанизация изначально привлекла наибольшее внимание исследователей, в то время как, например, коттеджная субурбанизация, сквоттерские (самовольные) поселения, распространенные в некоторых городах страны [Алексеева, 2010; Карбаинов,

2006], пригородные села и поселки в подавляющем большинстве регионов еще не нашли своих исследователей. Важно отметить также, что сама по себе дачная субурбанизация — особый, специфический тип субурбанизации, который в России замедляет темпы деурбанизации, характерной для развитых стран [Нефедова, Treivish, 2019], и одновременно социального опустынивания сельских территорий [Нефедова, 2019].

Среди современных исследований российских дач выделим работы Н. Г. Нефедовой, А. Г. Махровой и их коллег, содержащие значимые классификации типов дачного жилья, исторические формы дач, характер их использования в современной России, обзор исследований дач в советское время и в современный период [Нефедова, 2001; 2008; 2011; 2012; Браде и др., 2013; Махрова, 2017]. Нефедова указывает, что дачи могут отражать процессы субурбанизации. Они могут служить местом отдыха и выступать в качестве объекта инвестиций в недвижимость или средства агропродовольственного самообеспечения горожан. Анализируя особенности субурбанизации столичных городов России, она выделяет шесть типов дач, возникших в досоветский, советский и постсоветский период: классические старые дачи, служебные государственные дачи, садовые товарищества, дома в деревнях (купленные или унаследованные), отдельные виллы и коттеджные поселки [Нефедова, Савчук, 2014]. Итогом продолжительных исследований коллектива Нефедовой стала монография «Между домом и... домом», в которой подводятся итоги многолетних исследований дач в европейской части России [Нефедова и др., 2016; Бреславский, 2017a]. Возвращаясь к проблематике дачной субурбанизации, отметим также работу Махровой 2017 года, в которой она выделила основные типы дачных пригородов городов местного, районного и областного значения: их размеры зависят от людности города-центра, типа застройки и функций города. В отдельные группы ею выделены столичные, пристольные, курортные типы дачных пригородов, а также дачи в городе [Махрова, 2017].

Российские дачи стали предметом и нескольких монографических исследований [Малинова-Тзиафета, 2013], в том числе выполненных зарубежными авторами [Ловелл, 2008; Caldwell, 2011].

Перейдем к региональным исследовательским программам. Здесь следует начать с Мо-

сквы и Санкт-Петербурга — двух крупнейших генераторов пригородного роста на карте России. Среди работ, напрямую затрагивающих проблемы пригородного развития в Московской агломерации, выделим работы российских географов и особенно Махровой, которые раскрывают особенности сезонной (дачной) субурбанизации в регионе, показывают, как новая коттеджная застройка формирует западный тип субурбанизации [Golubchikov, Phelps, Makhrova, 2013; Махрова, 2014а; 2014б; 2015], а также то, как в рамках одной «пульсирующей агломерации» могут сосуществовать «статичная» (постоянная в течение всего года) и «подвижная» (сезонная) части пригородной зоны [Махрова, Бабкин, 2018].

Процессы субурбанизации в Ленинградской области освещены З.А. Михеевой, которая в своем диссертационном исследовании рассматривает основные сегменты пригородной зоны области и Санкт-Петербурга, а также выявляет потенциал субурбанизации региона с точки зрения задач жилищной политики [2012]. Среди известных нам работ о развитии пригородной зоны Санкт-Петербурга отметим статью Л.А. Лосина и В.В. Солодилова [Лосин, Солодилов, 2019], а также коллективное исследование О.В. Петри, К.Э. Аксенова и С.А. Крутикова, посвященное пригородам Санкт-Петербурга [Петри, Аксенов, Крутиков, 2012, с. 86–98], в котором проанализированы различные мотивы формирования закрытых жилых пространств внутри города и в пригороде. Изучение закрытых пригородных сообществ, которые Соня Херт назвала «новым железным занавесом» [Hirt, 2012], особенно актуально для постсоциалистических, в том числе российских городов, в которых формируются новые пространства приватности. Вспомним также статью В.П. Ремезковой, В.В. Гуткович и М.О. Спириной, посвященную анализу опыта субурбанизации Москвы и Санкт-Петербурга [Remezkova, Gutkovich, Spirina, 2016] в контексте североамериканского опыта.

В европейской части России за пределами Московского и Северо-Западного регионов, судя по имеющимся в системе РИНЦ статьям, книгам и диссертациям, исследователей пригородов немного. Отметим социологические работы А.Ю. Казаковой, посвященные пригородам Калуги, в которых она рассматривает социальный портрет и особенности образа жизни местных жителей [Казакова, 2015а, б], а также сравнительные исследования 2014–

2015 годов В.Б. Звоновского, Д.Ю. Меркуловой и Ю.В. Соловьевой, посвященные новым пригородным поселениям Самары, Ростова-на-Дону и Кемерово, где основную массу поселенцев составляют жители других районов «материнского города», которых связывают особые отношения солидарности [Звоновский, Меркулова, 2015; Звоновский, Меркулова, Соловьева, 2015]. Территориальной организации садово-дачных образований Пермской городской агломерации посвятила свою диссертацию И.О. Щепеткова [Щепеткова, 2019].

Пригороды уральских городов не нашли пока своих постоянных исследователей. Отмечу лишь одно небольшое обследование, посвященное субурбанизации в Свердловской области [Чевтаева, Егунов, 2014]. Среди сибирских исследователей выделим работы уже упомянутого ранее социолога, демографа Григоричева, который последовательно изучает разные аспекты развития пригородной зоны Иркутска и других крупных сибирских и дальневосточных городов. В своей монографии «В тени большого города: социальное пространство пригорода» [Григоричев, 2013б], опираясь на полевые исследования и материалы статистики, он анализирует специфику формирования пригородных поселений и взаимодействия переселенцев из города, трансграничных мигрантов и коренного населения, а также складывание новой экономики и властной сферы сквозь призму концепта транслокальности. Иркутские пригороды попали в фокус внимания еще четырех исследователей. Д.И. Тимошкин обратил внимание на неформальные экономические практики в пригородах [Тимошкин, 2017]; И.Т. Абдулову заинтересовали вопросы формирования новых пригородных районов и местных сообществ [Абдулова, 2019]; И.Ю. Корюхина и В.В. Куклина [Корюхина, Куклина, 2014; 2017] на своих полевых материалах показывают, что в конструировании пространства пригорода важнейшее значение приобретают такие характеристики, как безопасность и свобода. Для их достижения используются различные способы и технологии ограждения в физическом пространстве, их ценность вербализуется в рекламе коттеджных поселков, однако их нехватка остро ощущается в процессе пребывания в пригороде.

В 2012 году автор данной статьи начал работу в поле пригородных исследований с изучения пригородной зоны столицы Бурятии, города Улан-Удэ [Бреславский, 2014; 2016], а впоследствии обратил внимание на бур-

ный демографический рост столиц еще трех республик на юге Сибири: Республики Алтай, Хакасии и Тувы [Бреславский, 2018, 2019a].

Начинают работу по изучению сельских пригородов Тюмени А.В. Шелудков и С.В. Рассказов — в частности, они уже провели исследование социально-экономических ландшафтов пригородных сел Тюменской области [Рассказов, Шелудков, 2017a], а функциональной специализации пригородной зоны Тюмени посвящена отдельная статья А.В. Шелудкова [2017b].

Изучением пригородов еще одного сибирского города — Красноярска — занимались в последние годы Л.А. Дорофеева и А.И. Шадрин, которых интересует маятниковая миграция населения, география коттеджного и дачного расселения, филиализация пригородной территории, вопросы ее комплексного развития [Дорофеева, Шадрин, 2014; Дорофеева, 2018]. Пригороды еще одного миллионника Сибири — Новосибирска — не избалованы вниманием исследователей. Отметим недавнюю работу Е.В. Шевцовой о миграции и межэтнических отношениях в городе и его пригородах [Шевцова, 2018]. Тема встречи мигрантов и местных жителей в пригородах крупных городов, столь значимая для современной Европы, в России пока слабо изучена. Помимо указанной работы можем отметить, пожалуй, еще одно исследование — [Иванова, Андреева, Варшавер, 2019].

В регионах Дальнего Востока также не много специалистов, которые бы более или менее последовательно занимались изучением пригородов крупных региональных городов. Исключение — отдельные вводные работы по Владивостоку [Винокурова и др., 2017; Винокурова, 2019] и Якутску [Федорова, Пономарева, 2014; Яковлев, 2018; 2019], хорошо показывающие, как, например, природно-географические условия могут влиять на реальную пространственную конфигурацию пригородной зоны. Отдельно выделим работы по народной архитектуре приамурских и приморских городов, выполненные А.П. Ивановой [Иванова, 2017; 2019].

Приведенные выше немногочисленные исследования выполнены в основном с опорой на методики социологии, демографии и экономической географии. Надо сказать, что исторических исследований, подробно раскрывающих картину пригородной жизни в России в Средние века и позднее, тоже немного. Из известных нам работ можем выделить труды по экономической исто-

рии А.В. Белова, посвященные пригородам Москвы во второй половине XIX — начале XX века [Белов, 2019], и работы Д.С. Дегтярева по пригородным поселениям дореволюционного Томска [Дегтярев, 2012] и Барнаула [Дегтярев, 2019]. Исторические исследования пригородов российских городов крайне важны для нас по понятным причинам: без знания исторических форм пригородных поселений, понимания исторического контекста, в котором они возникли и изменялись, невозможно корректно ставить и решать задачи в современных исследованиях. Не хватает качественных экономических трудов, работ в области территориального планирования, архитектуры пригородных поселений, практики муниципального и государственного управления пригородным развитием. Отдельных отечественных экономистов, как показал наш анализ, в пригородах интересуют преимущественно проблемы рынка жилья и недвижимости, а также вопросы расселения населения в качестве трудового ресурса [Шибачева, 2008; Медведева, 2011; Муравьев, Позмогова, 2012]. В то же время многие другие значимые темы (бедность, экономика пригородных домохозяйств и пр.) по-прежнему остаются без сколько-нибудь пристального внимания.

Заключение

Российское поле пригородных исследований лишь начинает складываться. Сегодня в нем относительно последовательно работает не более десяти отечественных ученых из разных регионов страны. Научные интересы этих специалистов в основном выходят за рамки собственно пригородных исследований: часто они концентрируются на более общих вопросах: урбанизации и субурбанизации, миграции, мобильности населения, системах расселения, агломерационных процессах и пр. Иными словами, пригороды в их работах крайне редко выступали самостоятельным объектом и предметом исследований.

Однако ситуация в последние три-четыре года понемногу меняется. Общественная и научная значимость пригородных исследований в России становится все более явной. В том числе благодаря инициативным научным исследованиям, о которых шла речь в статье, а также научным встречам — конференциям и семинарам, посвященным российским пригородам и полю пригородных исследо-

ваний в России в целом. На текущем этапе специалисты знакомятся с исследовательскими программами друг друга, расширяется наше представление о региональном разнообразии российских пригородов, источниках и направлениях их постсоветской трансформации, стали более ясными масштабы пригородного роста в современной России.

В то же время мы по-прежнему мало знаем о конкретных региональных кейсах большинства крупных российских городов, в том числе о пригородных зонах большинства городов-миллионеров. С содержательной точки зрения по имеющимся единичным работам (в основном географов, демографов и социологов) сложно судить о том, какого рода проблемы выходят на первый план в современных российских пригородных исследованиях. Предметное и дисциплинарное поле пока лишь складывается. Это происходит под влиянием предпочтений, интересов и дисциплинарных ориентиров отдельных ученых. Узкая география полевых исследований не позволяет проводить широкий сравнительный и сопоставительный анализ пригородного развития на основе данных из разных регионов России (за исключением данных о мобильности населения и его отдельных половозрастных характеристиках).

Поэтому наша общая задача заключается в том, чтобы расширить географию совместных исследований, в том числе межрегиональных и междисциплинарных, и на этой основе начать глубинную методологическую дискуссию о проблемах изучения пригородов и пригородного образа жизни в современной России. В этом нам может помочь как знакомство с англо-американской традицией *suburban studies*, так и с новыми исследованиями в развивающихся и постсоциалистических странах [Бреславский, 2016], число которых увеличивается с каждым годом.

Источники

- Абдулова И.Т. (2019) Новые микрорайоны Иркутска: между пригородом и «спальным» районом//«Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве//отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 92–97.
- Алексеева М.С. (2010) Сельско-городская миграция и проблема самовольных поселений в постсоветской Бурятии: социально-экологический подход//Журнал социологии и социальной антропологии. № 4. С. 128–139.
- Белов А.В. (2019) Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XIX – начале XX в.: город и процессы урбанизации сельских окраин. Москва-Берлин: Директмедиа паблшинг. С. 226.
- Браде И., Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2013) Особенности субурбанизации в Московской агломерации в постсоветский период//Известия РАН. Сер. географическая. № 2. С. 19–29.
- Бреславский А.С. (2014) Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Бреславский А.С. (2016) Какой может быть российская субурбанизация?//Мир России. № 1. С. 79–102.
- Бреславский А.С. (2017а) Поправка на мобильность: как трудовая и дачная миграция влияет на расселение россиян?//Социологическое обозрение. Т. 16. № 1. С. 278–295.
- Бреславский А.С. (ред.) (2017б) Что мы знаем о современных российских пригородах? Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.
- Бреславский А.С. (2018) Пригороды крупных городов в региональной социальной политике//Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 4. С. 26–33.
- Бреславский А.С. (2019а) Урбанизация в республиках Южной Сибири: динамика ключевых параметров (1989–2019)//Урбанистика. № 1. С. 58–67.
- Бреславский А.С. (ред.) (2019б) «Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.
- Винокурова А.В., Костина Е.Ю., Панфилова А.О., Осмачко Н.В. (2017) Островные территории как пригороды: проблемы развития о. Русский во Владивостокской агломерации//Что мы знаем о современных российских пригородах?/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 98–106.
- Винокурова А.В. (2019) Пригороды крупных дальневосточных городов России: территориальное и демографическое развитие (кейс Владивостока)//«Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 73–79.
- Григоричев К.В. (2013а) Местные сообщества и местная власть в неинституционализированном пространстве (случай пригородов Иркутска)//Полития. № 1 (68). С. 103–116.
- Григоричев К.В. (2013б) В тени большого города: социальное пространство пригорода: монография. Иркутск: Оттиск.
- Григоричев К.В. (2016) «Они есть, но их нет»: «китайские» теплицы в пространстве пригорода//Этнографическое обозрение. № 4. С. 137–153.

- Григоричев К.В. (2017) Субурбанизм в сибирских регионах как механизм постсоветских трансформаций//Что мы знаем о современных российских пригородах?/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 74–87.
- Григоричев К.В. (2018) Субурбанизация на востоке России: региональная мозаика локального тренда//Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 175–189.
- Григоричев К.В. (2019) Частный сектор российских городов: от наследия советской урбанизации к внутреннему пригороду//«Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве: сб. тез. междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 14–16 ноября 2019 г.): в 2 ч./отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 22–25.
- Дегтярев Д.С. (2012) Основные объекты пригородной зоны Томска во второй половине XIX – начале XX в., их типы и функции//Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. № 1. С. 100–107.
- Дегтярев Д.С. (2019) Историческая микрогеография Барнаула (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Азбука.
- Дорофеева Л.А., Шадрин А.И. (2014) Особенности трансформации пригородных территорий городских агломераций (на примере красноярской)//Трансформация социально-экономического пространства Евразии в постсоветское время: сб. ст. Т. 1/отв. ред. Н.И. Быков, Д.А. Дирин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. С. 117–121.
- Дорофеева Л.А. (2018) Географические особенности формирования пригородной территории Красноярской агломерации: дисс. канд. географич. наук: 25.00.24. Красноярск: Ин-т географии им. В.Б. Соचाва СО РАН.
- Звоновский В.Б., Меркулова Д.Ю. (2015) Потенциал новых пригородов в формировании местного самоуправления//Теория и практика развития институтов гражданского общества в Самарской области: Материалы I регион. науч.-практ. конф. Самара: Артель. С. 44–48.
- Звоновский В.Б., Меркулова Д.Ю., Соловьева Ю.В. (2015) Жители новых российских пригородов: «чужие» или «свои»?//Социологический журнал. Т. 21. № 4. С. 61–79.
- Звягинцев В.И., Неуважаева М.А. Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России//Мир России. 2015. Т. 24. № 1. С. 101–135.
- Иванова А.П. (2017) Архитектура предместий//Вестник Тихоокеанского государственного университета. № 2. С. 99–108.
- Иванова А.П. (2019) Дальневосточная народная архитектура: города и субурбии//«Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 80–85.
- Иванова Н. С., Андреева А. С., Варшавер Е. А. (2019) Формирование зон резидентной концентрации мигрантов в подмосковном городе Котельники//«Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 102–103.
- Казакова А.Ю. (2015а) Городские сельчане: социальный портрет населения пригородной зоны Калуги//Самоуправление. № 9. С. 15–19.
- Казакова А.Ю. (2015б) Мотивация пригородного образа жизни в современной российской провинции (на примере пригородов Калуги)//Научно-методический электронный журнал «Концепт». Т. 13. С. 1141–1145.
- Карбаинов Н.И. (2006) «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город//Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск: ХНЦ ДВО РАН. С. 129–154.
- Корюхина И.Ю., Кукулина В.В. (2014) Взаимодействие города и села в пространствах пригорода (случай Иркутска)//Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 3. С. 14–21.
- Корюхина И.Ю., Кукулина В.В. (2017) Грамматика пригорода: особенности пространственного языка (на примере пригорода г. Иркутска)//Что мы знаем о современных российских пригородах?/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 106–123.
- Ловелл С. (2008) Дачники: история летнего жилья в России: 1710–2000/пер. с англ. Л. Семеновой. СПб.: Академический проект; ДНК.
- Лосин Л. А. Солодилов В. В. (2019) Территориальная структура Санкт-Петербургской городской агломерации//Региональная экономика и развитие территорий. СПб: СПГУАП. С. 180–186.
- Малинова-Тзиафета О.Ю. (2013) Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб: ЕУСПб.
- Матвейшина М.Е. (2015) Развитие процесса субурбанизации на примере белгородской агломерации//Вестник Иркутского государственного технического университета. Сер. Архитектура и строительство. № 6 (101). С. 98–108.
- Махрова А.Г. (2014а) Особенности стадийного развития Московской агломерации//Вестник МГУ. Сер. 5. География. № 4. С. 10–16.
- Махрова А.Г. (2014б) Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в пост-

- советской России//Известия РАН. Сер. географическая. № 4. С. 49–59.
- Махрова А.Г. (2015) Сезонная субурбанизация в регионах России//Вестник МГУ. Сер. 5. География. № 4. С. 60–68.
- Махрова А.Г. (2017) Сезонная субурбанизация: дачные пригороды российских городов//Что мы знаем о современных российских пригородах?/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 37–51.
- Махрова А.Г., Бабкин Р.А. (2018) Анализ пульсаций системы расселения Московской агломерации с использованием данных сотовых операторов//Региональные исследования. № 2 (60). С. 68–78.
- Медведева Л.Н. (2011) Пригородная зона как одна из форм социально-экономического и территориального расселения горожан: актуальность и значение//Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 150. С. 139–148.
- Мкртчян Н.В. (2017) Пристоличные территории России: динамика населения и миграционный баланс//Что мы знаем о современных российских пригородах?/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 26–37.
- Мкртчян Н.В. (2018) Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса//Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 6. С. 26–38.
- Мкртчян Н.В. Миграция и субурбанизация в региональных столицах и пригородных территориях России//«Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве: сб. тез. международ. науч. конф. (Улан-Удэ, 14–16 ноября 2019 г.): в 2 ч./отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 14–21.
- Михеева З.А. (2012) Субурбанизация как инструмент решения жилищной проблемы Санкт-Петербурга и Ленинградской области: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. СПб.: СПбГУ.
- Муравьев А.А., Позмогова С.Б. (2012) Перспективы развития города Ульяновска в процессе перехода от урбанизации к субурбанизации//Вестник Ульяновского государственного технического университета. Т. 3 (59). С. 56–59.
- Нефедова Н.Г. (2001) Российские пригороды. Горожане в сельской местности//Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен (памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского). М.: ОГИ. С. 374–399.
- Нефедова Т.Г. (2008) Российская глубинка глазами ее обитателей//Угорский проект: экология и люди Ближнего Севера/под ред. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов. С. 98–120.
- Нефедова Т.Г. (2011) Российские дачи как социальный феномен//SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. № 15. С. 161–173.
- Нефедова Т.Г. (2012) Горожане и дачи//Отечественные записки. № 3 (48). С. 204–216.
- Нефедова Т.Г., Аверкиева К.В., Махрова А.Г. (ред.) (2016) Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность России. М.: Новый хронограф.
- Нефедова Т.Г., Савчук И.Г. (2014) Второе загородное жилье горожан в России и Украине: эволюция дач и тренды их современных изменений//Известия РАН. Сер. географическая. № 4. С. 39–48.
- Нефедова Т.Г. (2019) Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России//Пространственная экономика. Т. 15. № 4. С. 36–56.
- Петри О.В., Аксенов К.Э., Крутиков С.А. (2012) Пригородные закрытые жилые комплексы Санкт-Петербурга: начало сегрегации или смена образа жизни?//Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. Геология, география. № 1. С. 86–98.
- Тимошкин Д.О. (2017) «Помогу за коньячок»: неформальные практики землепользования в пригородах Иркутска//Сибирские исторические исследования. № 1. С. 149–165.
- Федорова Е.Н., Пономарева Г.А. (2014) Аспекты агломерационного развития Якутска//Экономический анализ: теория и практика. № 39. С. 18–25.
- Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. (2015) Миграция и рынок труда. М.: Дело.
- Шевцова Е.В. (2018) Миграционные процессы и состояние межэтнических отношений в городе Новосибирске и пригородах: потенциал антимигрантской протестной активности//Вестник НГУЭУ. № 3. С. 300–309.
- Шелудков А.В. (2017) Индустриальные деревни, спальные районы, внутренняя периферия: функциональная специализация пригородной зоны Тюмени//Что мы знаем о современных российских пригородах?/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 135–147.
- Шелудков А.В., Рассказов С.В. (2017) Карта многоукладности: пригородные и периферийные зоны Тюменской области//Крестьяноведение. Т. 2. № 1. С. 102–114.
- Щепеткова И.О. (2019) Территориальная организация садово-дачных образований Пермской городской агломерации: дисс. к. г. н.: 25.00.24. Пермь: Пермский гос. национальный исследовательский университет.
- Шибеева М.А. (2008) Определение экономически выгодной удаленности приобретаемого в пригороде жилья//Предпринимательство. № 6. С. 151–154.
- Яковлев А.И. (2018) Нижний Бестях и Якутск: проблемы и перспективы городских агломераций в Яку-

- тии//Республики на востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 190–200.
- Яковлев А.И. (2019) Пригородное село Хатас и проблемы сезонной агломерации Якутска и Нижнего Бестяха//«Пригородная революция» в региональном срезе: периферийные городские территории на постсоветском пространстве/отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. С. 98–101.
- Breslavsky A.S. (2016) The Suburbs of Ulan-Ude and the Ger Settlements of Ulaanbaatar. A Comparison of Post-socialist Cities//Inner Asia. Vol. 18. No. 2. P. 196–222.
- Caldwell M.L. (2011) *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley, L.A.: University of California Press.
- Golubchikov O., Phelps N.A., Makhrova A.G. (2011) Khimki in Moscow City-region: From 'Closed City' to 'Edge City'?//International Perspectives on Suburbanization. A Post-Suburban World?/N.A. Phelps, F. Wu (eds.). London: Palgrave Macmillan. P. 177–192.
- Hirt S. (2012) *Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Keil R. (2017) *Suburban Planet: Making the World Urban from the Outside* in. Cambridge: Polity Press.
- Lefebvre H. (2003) *The Urban Revolution*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Mkrtchyan N.V. (2019) Migration in Rural Areas of Russia: Territorial Differences//Population and Economics. Vol. 3 (1). P. 39–51.
- Nefedova T.G., Treivish A.I. (2019) Urbanization and Seasonal Deurbanization in Modern Russia//Regional Research of Russia. Vol. 9. No. 1. P. 1–11.
- Remezko V., Gutkovich V., Spirina M. (2016) Russian Way of Suburbanization: Moscow and Saint Petersburg Experience//Urban Studies and Practices. Vol. 1. No. 1. P. 24–38.
- Stanilov K., Hirt S. (2009) *Twenty Years of Transition. The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union. 1989–2009*. Nairobi: UN Habitat.
- Stanilov K., Sykora L. (eds.) (2014) *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*. Oxford: Wiley-Blackwell.

ANATOLIY BRESLAVSKY

WHO STUDIES THE SUBURBS OF BIG CITIES IN CONTEMPORARY RUSSIA AND HOW?

Anatoliy S. Breslavsky, PhD in Sociology, Senior Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS; 6 Sakhyanovoy street., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation.

E-mail: breslavsky@imbt.ru

Abstract

This article gives a brief overview of the research of suburbs in Russia. The author gives a brief exposition of the subject and notes that rapid suburbanization and urbanization are two sides of the same process, although their rates may not coincide. Noting the specifics of the rapid growth of suburbs in the post-Soviet space ("the post-socialist suburban revolution"), he cites five sources of this: deregulation in urban management, construction, the real estate market, etc.; compensation for the historical shortage of housing; the deindustrialization of cities and the infrastructure crisis of central urban neighborhoods; mass internal migration to large cities; and the arrival of foreign investment in suburban real estate.

The author then discusses the topics and studies of suburban researchers by discipline and geographical region. The main directions in the study of suburbanization are the population and migration dynamics of suburban territories, the variety of dachas, and the geography of the suburbs. The field is just beginning to develop in Russia and there are few scientists and few research cases scattered around the country which does not allow generalizations to be made about the state of the suburbs in the country in general. The current picture of the development of suburbs on a nationwide scale is formed only on the basis of demographic data.

Keywords: suburbs; suburbanization; urbanization; migration; dacha; post-socialist suburban revolution

Citation: Breslavsky A.S. (2020) Who Studies the Suburbs of Big Cities in Contemporary Russia and How? *Urban Studies and Practices*, vol. 5, no 4, pp. 16–34. (in Russian) DOI: <https://doi.org/10.17323/usp54202016-34>

References

- Abdulova I.T. (2019) Novye mikrorayony Irkutska: mezhdru prigorodom i "spalnym" rayonom [New Microdistricts of Irkutsk: Between the Suburb and "Sleeping" Area]. Breslavsky A.S. (ed.) *"Prigorodnaya revolyuciya" v regional'nom srezhe: periferijnye gorodskie territorii na postsovetском prostranstve* [Regional Cut of "Suburban Revolution": Peripheral Urban Areas in the Post-Soviet Territories]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 92–97. (in Russian)
- Alekseeva M.S. (2010) Sel'sko-gorodskaya migraciya i problema samovol'nyh poselenij v postsovetsoj Buryatii: social'no-ekologicheskij podhod [Rural-Urban Migration and the Problem of Unauthorized Settlements in Post-Soviet Buryatia: A Socio-Ecological Approach]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Social Policy Studies], no 4, pp. 128–139. (in Russian)
- Belov A.V. (2019) Moskva, moskovskie prigorody, prigorodnye poseleniya vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: gorod i processy urbanizacii sel'skih okrain [Moscow, Moscow Suburbs, Suburban Settlements in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: City and Urbanization Processes in Rural Outskirts]. Moscow-Berlin: Direct-media Publishing. (in Russian)
- Brade I., Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. (2013) Osobennosti suburbanizacii v moskovskoj aglomeracii v postsovetiskij period [Features of Suburbanization in the Moscow Agglomeration in the Post-Soviet Period]. *Izvestiya RAN. Ser. Geograficheskaya* [Bulletin of Russian Academy of Sciences. Geography Series], no 2, pp. 19–29. (in Russian)
- Breslavsky A.S. (2014) Nezaplanirovannye prigorody: sel'sko-gorodskaya migraciya i rost Ulan-Ude v postsovetiskij period [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period]. Ulan-Ude: BNC SB RAS. (in Russian)
- Breslavsky A. (2016a) Kakoi mozhet byt' rossiiskaya suburbanizatsiya? [Possible Modes of Suburbanization in Russia]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 25, no 1, pp. 79–102. (in Russian)

- Breslavsky A.S. (2016b) The Suburbs of Ulan-Ude and the Ger Settlements of Ulaanbaatar. A Comparison of Post-socialist Cities. *Inner Asia*, vol. 18, no 2, pp. 196–222.
- Breslavsky A. (2017) Popravka na mobil'nost': kak trudovaya i dachnaya migratsiya vliyaet na rasselenie rossiyan? [Correction for Mobility: How do Labor and Dacha's Migrations Influence the Settlement of Russians?]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 16, no 1, pp. 278–295. (in Russian)
- Breslavsky A.S. (ed.) (2017) *Chto my znaem o sovremennyh rossijskikh prigorodah?* [What do We Know about Modern Russian Suburbs?]. Ulan-Ude: Publishing house of BNC SB RAS. (in Russian)
- Breslavsky A.S. (2018) Prigorody krupnyh gorodov v regional'noj social'noj politike [Russian Suburbs and regional social policy]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumena. Regional Researches], vol. 4, pp. 26–33. (in Russian)
- Breslavsky A.S. (2019a) [Urbanization in the Republics of Southern Siberia: Dynamics of Key Parameters (1989–2019)]. *Urbanistika* [Urban Studies], vol. 1, pp. 58–67. (in Russian)
- Breslavsky A.S. (ed.) (2019b) *"Prigorodnaya revolyuciya" v regional'nom srezhe: periferijnye gorodskie territorii na postsovet'skom prostranstve* [Regional Cut of "Suburban Revolution": Peripheral Urban Areas in the Post-Soviet Territories]. Ulan-Ude: BNC SB RAS. (in Russian)
- Caldwell M.L. (2011) *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley, L.A.: University of California Press.
- Golubchikov O., Phelps N.A., Makhrova A.G. (2011) Khimki in Moscow City-region: From 'Closed City' to 'Edge City'? *International Perspectives on Suburbanization. A Post-Suburban World?* London: Palgrave Macmillan, pp. 177–192.
- Grigorichev K.V. (2013a) Mestnye soobshchestva i mestnaya vlast' v neinstitucionalizirovannom prostranstve (sluchaj prigorodov Irkut'ska) [Local Communities and Local Authorities in a Non-Institutionalized Space (the Case of the Suburbs of Irkutsk)]. *Politiya* [Polity], vol. 1 (68), pp. 103–116 (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2013b) V teni bol'shogo goroda: social'noe prostranstvo prigoroda: monografiya [In the Shadow of a Big City: The Social Space of the Suburb: A Monograph]. Irkutsk: Imprint. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2016) "Oni est', no ikh net": "kitaiskie" teplitsy v prostranstve prigoroda ["They Are but They Aren't There": "Chinese" Greenhouses in the Suburban Space]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], no 4, pp. 137–153. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2017) Suburbanizm v sibirskikh regionah kak mekhanizm postsovet'skikh transformacij [Suburbanism in Siberian Regions as a Mechanism of Post-Soviet Transformations]. Breslavskiy A.S. (ed.) *Chto my znaem o sovremennyh rossijskikh prigorodah?* [What do We Know About Modern Russian Suburbs?]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 74–87. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2018) Suburbanizatsiya na vostokey Rossii: regional'naya mozaika lokal'nogo trenda [Suburbanization in the East of Russia: A Regional Mosaic of a Local Trend]. *Respubliki na vostokey Rossii: traektorii ekonomicheskogo, demograficheskogo i territorial'nogo razvitiya* [Republics in the East of Russia: Trajectories of Economic, Demographic and Spatial Development]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 175–189. (in Russian)
- Grigorichev K.V. (2019) Chastnyy sektor rossijskikh gorodov: ot naslediya sovet'skoj urbanizatsii k vnutrennemu prigorodu [The Areas of Private Property of Russian Cities: From the Legacy of Soviet Urbanization to the Inner Suburb]. Breslavskiy A.S. (ed.) *"Prigorodnaya revolyuciya" v regional'nom srezhe: periferijnye gorodskie territorii na postsovet'skom prostranstve* [Regional Cut of "Suburban Revolution": Peripheral Urban Areas in the Post-Soviet Territories]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 22–25. (in Russian)
- Degtyarev D.S. (2012) Osnovnye ob'ekty prigorodnoy zony Tomska vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v., ih tipy i funktsii [The Main Objects of the Suburban Area of Tomsk in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries, Their Modifications and Functions]. *Izvestiya Irkut'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie* [Bulletin of the Irkutsk State University. Political Science Series. Religious Studies], no 1, pp. 100–107. (in Russian)
- Degtyarev D.S. (2019) Istoricheskaya mikrogeografiya Barnaula (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Historical Microgeography of Barnaul (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Barnaul: The ABC. (in Russian)
- Dorofeeva L.A., Shadrin A.I. (2014) Osobennosti transformatsii prigorodnykh territoriy gorodskikh aglomeratsiy (na primere krasnoyarskoj) [Features of the Transformation of Suburban Areas of Urban Agglomerations (on the Example of Krasnoyarsk)]. *Transformatsiya social'no-ekonomicheskogo prostranstva Evrazii v postsovet'skoe vremya: sb. st. T. 1* [Transformation of the Socio-Economic Space of Eurasia in the Post-Soviet Era: Collection of Articles. Vol. 1]. Barnaul: Altay University Publishing, pp. 117–121. (in Russian)
- Dorofeeva L.A. (2018) Geograficheskie osobennosti formirovaniya prigorodnoy territorii Krasnoyarskoj aglomeratsii: diss. kand. geografich. nauk: 25.00.24. [Geographical Features of the Formation of the Suburban Area of the

- Krasnoyarsk Agglomeration: Candidate Geographic Sciences Dissertation: 25.00.24]. Krasnoyarsk: Institut geografii im. V.B. Sochavy SO RAN [Krasnoyarsk: Institute for Geography SB RAS]. (in Russian)
- Fedorova E.N., Ponomareva G.A. (2014) Aspekty aglomeratsionnogo razvitiya Yakutska [Aspects of the Agglomeration Development of Yakutsk]. *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice], no 39, pp. 18–25.
- Florinskaya Yu.F., Mkrtchyan N.V., Maleva T.M., Kirillova M.K. (2015) Migratsiya i rynek truda [Migration and the Labor Market]. Moscow: Delo.
- Hirt S. (2012) Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Ivanova A.P. (2017) Arhitektura predmestij [Suburb architecture]. *Vestnik Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the PNU], no 2, pp. 99–108. (in Russian)
- Ivanova A.P. (2019) Dal'nevostochnaya narodnaya arhitektura: goroda i suburbia [Far Eastern Vernacular Architecture: Cities and Suburbs]. Breslavskiy A.S. (ed.) *"Prigorodnaya revolyuciya" v regional'nom srezhe: periferijnye gorodskie territorii na postsovetском prostranstve* [Regional Cut of "Suburban Revolution": Peripheral Urban Areas in the Post-Soviet Territories]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 80–85. (in Russian)
- Ivanova N.S., Andreeva A.S., Varshaver E.A. (2019) Formirovanie zon rezidentnoj koncentracii migrantov v podmoskovnom gorode Kotelniki [Formation of Zones of Residential Concentration of Migrants in the Town of Kotelniki in Moscow Outskirt]. Breslavskiy A.S. (ed.) *"Prigorodnaya revolyuciya" v regional'nom srezhe: periferijnye gorodskie territorii na postsovetском prostranstve* [Regional Cut of "Suburban Revolution": Peripheral Urban Areas in the Post-Soviet Territories]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 102–103. (in Russian)
- Karbainov N.I. (2006) «Nahalovki Ulan-Ude»: nichejnaya zemlya, nepravil'nye shamany i pravo na gorod ["Nakh-alovki Ulan-Ude": No Man's Land, Wrong Shamans and the Right to the City]. *Aginskaya street, tanec s ognem i alyuminievye strely: prisvoenie kul'turnyh landshaftov* [Aginskaya Street, Dance with Fire and Aluminum Arrows: Assignment of Cultural Landscapes]. Khabarovsk: KhSC FEB RAS, pp. 129–154. (in Russian)
- Kazakova A.Yu. (2015a) Gorodskie sel'chane: social'nyj portret naseleniya prigorodnoj zony Kalugi [City Villagers: The Social Portrait of the of Suburban Population of Kaluga]. *Samoupravlenie* [Self-government], no 9, pp. 15–19. (in Russian)
- Kazakova A.Yu. (2015b) Motivatsiya prigorodnogo obraza zhizni v sovremennoj rossijskoj provincii (na primere prigorodov Kalugi) [Motivation to the Suburban Lifestyle in the Modern Russian Province (on the Example of the Suburbs of Kaluga)]. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept»* [Scientific and Methodological Electronic Journal "Koncept"], vol. 13, pp. 1141–1145. (in Russian)
- Keil R. (2017) Suburban Planet: Making the World Urban from the Outside in Cambridge: Polity Press.
- Koryukhina I.Yu., Kuklina V.V. (2014) Vzaimodejstvie goroda i sela v prostranstvakh prigoroda (sluchaj Irkutska) [Interaction of the City and the Village in the of the Suburb Areas (the Case of Irkutsk)]. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij* [Labyrinth. Journal of Social and Humanities Research], no 3, pp. 14–21. (in Russian)
- Koryukhina I.Yu., Kuklina V.V. (2017) Grammatika prigoroda: osobennosti prostranstvennogo yazyka (na primere prigoroda g. Irkutska) [The Grammar of the Suburb: Features of the Spatial Language (on the Example of the Suburb of Irkutsk)]. Breslavskiy A.S. (ed.) *Chto my znaem o sovremennyh rossijskikh prigorodah?* [What do We Know about Modern Russian Suburbs?]. Ulan-Ude: Publishing house of BNC SB RAS, pp. 106–123. (in Russian)
- Lefebvre H. (2003) *The Urban Revolution*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Losin L.A., Solodilov V.V. (2019) Territorial'naya struktura Sankt-Peterburgskoj gorodskoj aglomeratsii [Spatial Structure of the St. Petersburg Urban Agglomeration]. *Regional'naya ekonomika i razvitie territorij* [Regional Economy and Development of Territories]. St. Petersburg: SPGUAP, pp. 180–186. (in Russian)
- Lovell S. (2008) Dachniki: istoriya letnego zhil'ya v Rossii: 1710–2000 [Summer Residents: The History of Summer Housing in Russia: 1710–2000]. St. Petersburg: Academic project; DNA. (in Russian)
- Malinova-Tziafeta O.Yu. (2013) Iz goroda na dachu: sociokul'turnye faktory osvoeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914) [From City to Dacha: Socio-Cultural Factors in the Development of Dacha Space Around St. Petersburg (1860–1914)]. St. Petersburg: EUSP. (in Russian)
- Matveishina M.E. (2015) Razvitie processa suburbanizatsii na primere belgorodskoj aglomeratsii [Development of the Suburbanization Process on the Example of the Belgorod Agglomeration]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser. Arhitektura i stroitel'stvo* [Proceedings of the Irkutsk State Technical University. Architecture and Construction Series], no 6 (101), pp. 98–108. (in Russian)
- Makhrova A.G. (2014a) Osobennosti stadial'nogo razvitiya moskovskoj aglomeratsii [Features of the Stadial Development of the Moscow Agglomeration]. *Vestnik MGU. Ser. 5. Geografiya* [Bulletin MSU. Geography Series No 5], no 4, pp. 10–16. (in Russian)

- Makhrova A.G. (2014b) Rol' organizovannykh kottedzhnykh poselkov v razvitii suburbanizatsii v postsovetsoj Rossii [The Role of Organized Cottage Settlements in the Development of Suburbanization in Post-Soviet Russia]. *Izvestiya RAN. Ser. geograficheskaya* [Bulletin RAS. Geography Series], no 4, pp. 49–59. (in Russian)
- Makhrova A.G. (2015) Sezonnaya suburbanizatsiya v regionah Rossii [Seasonal Suburbanization in the Regions of Russia]. *Vestnik MGU. Ser. 5. Geografiya* [Vestnik MGU. Series 5. Geography], no 4, pp. 60–68. (in Russian)
- Makhrova A.G. (2017) Sezonnaya suburbanizatsiya: dachnye prigorody rossijskikh gorodov [Seasonal Suburbanization: Suburban Suburbs of Russian Cities]. Breslavskiy A.S. (ed.) *Chto my znaem o sovremennykh rossijskikh prigorodah?* [What do We Know About Modern Russian Suburbs?]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 37–51. (in Russian)
- Makhrova A.G., Babkin R.A. (2018) Analiz pul'sacij sistemy rasseleniya Moskovskoj aglomeratsii s ispol'zovaniem dannykh sotovykh operatorov [Analysis of Moscow Agglomeration Settlement System Pulsations Based Mobile Operators Data]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional Studies], vol. 2 (60), pp. 68–78.
- Medvedeva L.N. (2011) Prigorodnaya zona kak odna iz form social'no-ekonomicheskogo i territorial'nogo rasseleniya gorozhan: aktual'nost' i znachenie [Suburban Area as One of the Forms of Socio-Economic and Spatial Resettlement of Citizens: Relevance and Significance]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], vol. 150, pp. 139–148. (in Russian)
- Mkrtchyan N.V. (2017) Pristolichnye territorii Rossii: dinamika naseleniya i migratsionnyj balans [Near-Capital Territories of Russia: Population Dynamics and Migration Balance]. Breslavskiy A.S. (ed.) *Chto my znaem o sovremennykh rossijskikh prigorodah?* [What do We Know About Modern Russian Suburbs?]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 26–37. (in Russian)
- Mkrtchyan N.V. (2018) Regional'nye stolitsy Rossii i ih prigorody: osobennosti migratsionnogo balansa [Regional Capitals of Russia and Their Suburbs: Features of the Migration Balance]. *Izvestiya RAN. Ser. geograficheskaya* [Bulletin of Russian Academy of Sciences. Geography Series], no 6, pp. 26–38. (in Russian)
- Mkrtchyan N.V. (2019a) Migratsiya i suburbanizatsiya v regional'nykh stolicah i prigorodnykh territoriyah Rossii [Migration and Suburbanization in Regional Capitals and Suburban Areas of Russia]. Breslavskiy A.S. (ed.) *Prigorodnaya revolyutsiya v regional'nom sreze: periferijnye gorodskie territorii na postsovet'skom prostranstve*. [Regional Cut of "Suburban Revolution": Peripheral Urban Areas in the Post-Soviet Territories]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 14–21. (in Russian)
- Mkrtchyan N.V. (2019b) Migration in Rural Areas of Russia: Territorial Differences. *Population and Economics*, vol. 3 (1), pp. 39–51.
- Mikheeva Z.A. (2012) Suburbanizatsiya kak instrument resheniya zhilishchnoj problemy Sankt-Peterburga i Leningradskoj oblasti: avtoref. dis. ... kand. geogr. nauk [Suburbanization as a Tool for Solving the Housing Problem of St. Petersburg and the Leningrad Region: Autoabstract of Dissertation on Candidate in Geographical Sciences]. St. Petersburg: St Petersburg University. (in Russian)
- Muravyov A.A., Pozmogova S.B. (2012) Perspektivy razvitiya goroda Ul'yanovska v processe perekhoda ot urbanizatsii k suburbanizatsii [Prospects for the Development of the City of Ulyanovsk in the Process of Transition from Urbanization to Suburbanization]. *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University], vol. 3 (59), pp. 56–59. (in Russian)
- Nefedova N.G. (2001) Rossijskie prigorody. Gorozhane v sel'skoj mestnosti [Russian Suburbs. Townspeople in the Countryside]. *Gorod i derevnya v Evropejskoj Rossii: sto let peremen (pamyati Veniamina Petrovicha Semenova-Tyan-SHanskogo)* [City and Countryside in European Russia: A Hundred Years of Changes (in Memory of Veniamin Petrovich Semenov-Tyan-Shansky)]. Moscow: OGI, pp. 374–399. (in Russian)
- Nefedova T.G. (2008) Rossijskaya glubinka glazami ee obitatelej [Russian Hinterland Through the Eyes of its Inhabitants]. Pokrovsky N.E. (ed.) *Ugorskiy proekt: ekologiya i lyudi blizhnego Severa* [Ugorsk Project: Ecology and People of the Near North]. Moscow: Community of Professional Sociologists, pp. 98–120. (in Russian)
- Nefedova T.G. (2011) Rossijskie dachi kak social'nyj fenomen [Russian Dachas as a Social Phenomenon]. *SPERO. Social'naya politika: ekspertiza, rekomendatsii, obzory* [SPERO. Social Policy: Expertise, Recommendations, Reviews], no 15, pp. 161–173.
- Nefedova T.G. (2012) Gorozhane i dachi [Citizens and Dachas]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], vol. 3 (48), pp. 204–216. (in Russian)
- Nefedova T.G. (2019) Razvitie postsovet'skogo agrarnogo sektora i polarizatsiya sel'skogo prostranstva evropejskoj chasti Rossii [The Development of the Post-Soviet Agrarian Sector and the Polarization of the Rural Space of the European Part of Russia]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], vol. 15, no 4, pp. 36–56. (in Russian)
- Nefedova T.G., Averkieva K.V., Terry A.G. (eds.) (2016) Mezhdum domom i... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' Rossii [Between Home and ... Home. Reversible Spatial Mobility of Russia]. Moscow: New Chronograph. (in Russian)

- Nefedova T.G., Savchuk I.G. (2014) Vtoroe zagorodnoe zhil'e gorozhan v Rossii i Ukraine: evolyuciya dach i trendy ih sovremennyh izmenenij [The Second Home in Suburban of Townspeople in Russia and Ukraine: The Evolution of Summer Cottages and Trends of Their Modern Changes]. *Izvestiya RAN. Ser. geograficheskaya* [Bulletin of Russian Academy of Sciences. Geography Series], no 4, pp. 39–48. (in Russian)
- Nefedova T.G., Treivish A.I. (2019) Urbanization and seasonal deurbanization in modern Russia. *Regional Research of Russia*, vol. 9, no 1, pp. 1–11.
- Petri O.V., Aksenov K.E., Krutikov S.A. (2012) Prigorodnye zakrytye zhilye komplekсы Sankt-Peterburga: nachalo segregacii ili smena obraza zhizni? [Suburban Gated Residential Complexes of St. Petersburg: The Beginning of Segregation or a Change in Lifestyle?]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 7. Geologiya, geografiya* [Vestnik of St. Petersburg University. Series 7. Geology. Geography], no 1, pp. 86–98. (in Russian)
- Remezko V., Gutkovich V., Spirina M. (2016) Russian Way of Suburbanization: Moscow and Saint Petersburg Experience. *Urban Studies and Practices*, vol. 1, no 1, pp. 24–38.
- Shevtsova E.V. (2018) Migracionnye processy i sostoyanie mezhetnicheskikh otnoshenij v gorode Novosibirsk i prigorodah: potencial antimigrantskoj protestnoj aktivnosti [Migration Processes and the State of Interethnic Relations in the City of Novosibirsk and Its Suburbs: The Potential of Anti-Migrant Protest Activity]. *Vestnik NGUEU* [Vestnik NSUEM], no 3, pp. 300–309.
- Sheludkov A.V., Rasskazov S.V. (2017) Karta mnogoukladnosti: prigorodnye i periferijnye zony Tyumenskoj oblasti [Map of Multistructural Regimen: Suburban and Peripheral Zones of the Tyumen Region]. *Krest'yanovedenie* [Peasant Studies], vol. 2, no 1, pp. 102–114.
- Sheludkov A.V. (2017) Industrial'nye derevni, spal'nye rajony, vnutrennyaya periferiya: funkcional'naya specializaciya prigorodnoj zony Tyumeni [Industrial Villages, Dormitory Areas, Inner Periphery: Functional Specialization of the Suburban Area of Tumen]. Breslavskiy A.S. (ed.) *Chto my znaem o sovremennyh Rossijskikh prigorodah?* [What Do We Know about Modern Russian Suburbs?]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 135–147. (in Russian)
- Shchepetkova I.O. (2019) Territorial'naya organizaciya sadovo-dachnyh obrazovanij Permskoj gorodskoj aglomeracii: diss. k. g. n.: 25.00.24/Permskij gos. nacional'nyj issledovatel'skij universitet [Spatial Organization of Garden and Dacha Formations of the Perm Urban Agglomeration: Ph.D. Dissertation: 25.00.24.]. Perm: Perm State University. (in Russian)
- Shibaeva M.A. (2008) Opreделение ekonomicheski vygodnoj udalennosti priobretennogo v prigorode zhil'ya [Determination of the Economically Advantageous Remoteness of Housing Purchased in the Suburbs]. *Predprinimatel'stvo* [Entrepreneurship], no 6, pp. 151–154. (in Russian)
- Stanilov K., Hirt S. (2009) Twenty Years of Transition. The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union. 1989–2009. Nairobi: UN Habitat.
- Stanilov K., Sykora L. (eds.) (2014) Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe. Oxford: Wiley-Blackwell, pp. 360.
- Timoshkin D.O. (2017) «Pomogu za kon'yachok»: neformal'nye praktiki zemlepol'zovaniya v prigorodah Irkutsk [“I Will Help for Cognac”: Informal Land Use Practices in the Suburbs of Irkutsk]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Studies], no 1, pp. 149–165.
- Vinokurova A.V., Kostina E.Yu., Panfilova A.O., Osmachko N.V. (2017) Ostrovnye territorii kak prigorody: problemy razvitiya o. Russkij vo Vladivostokskoj aglomeracii [Island Territories as Suburbs: Problems of Development Russky Island in the Vladivostok Agglomeration]. Breslavskiy A.S. (ed.) *Chto my znaem o sovremennyh Rossijskikh prigorodah?* [What do We Know About Modern Russian Suburbs?]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 98–106. (in Russian)
- Vinokurova A.V. (2019) Prigorody krupnyh dal'nevostochnyh gorodov Rossii: territorial'noe i demograficheskoe razvitie (kejs Vladivostoka) [Suburbs of large Russian Far Eastern Cities: Territorial and Demographic Development (the Case of Vladivostok)]. *“Prigorodnaya revolyuciya” v regional'nom sreze: periferijnye gorodskie territorii na postsovet'skom prostranstve* [Regional Cut of “Suburban Revolution”: Peripheral Urban Areas in the Post-Soviet Territories]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 73–79. (in Russian)
- Yakovlev A.I. (2018) Nizhnij Bestyah i Yakutsk: problemy i perspektivy gorodskih aglomeracij v Yakutii [Nizhny Bestyakh and Yakutsk: Problems and Prospects of Urban Agglomerations in Yakutia] Breslavskiy A.S. (ed.). *Respubliki na vostoke Rossii: traektorii ekonomicheskogo, demograficheskogo i territorial'nogo razvitiya* [Republics in the East of Russia: Trajectories of Economic, Demographic and Territorial Development]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 190–200. (in Russian)
- Yakovlev A.I. (2019) Prigorodnoe selo Hatas i problemy sezonnoj aglomeracii Yakutsk i Nizhnego Bestyaha [The Suburban Village of Khatas and the Problems of Seasonal Agglomeration of Yakutsk and Nizhny Bestyakh]. Breslavskiy A.S. (ed.) *“Prigorodnaya revolyuciya” v regional'nom sreze: periferijnye gorodskie territorii na postsovet-*

- skom prostranstve* [Regional Cut of "Suburban Revolution": Peripheral Urban Areas in the Post-Soviet Territories]. Ulan-Ude: BNC SB RAS, pp. 98–101. (in Russian)
- Zvonovskiy VB, Merkulova D.Yu. (2015) Potencial novyh prigorodov v formirovanii mestnogo samoupravleniya [The Potential of New Suburbs in the Local Self-Government Formation]. *Teoriya i praktika razvitiya institutov grazhdanskogo obshchestva v Samarskoj oblasti: mat-ly I region. nauch.-prakt. konf.* [Theory and Practice of the Development of Civil Society Institutions in the Samara Region: I Regional Scientific-Practical Conference Materials]. Samara: Artel, pp. 44–48. (in Russian)
- Zvonovskiy V.B., Merkulova D.Yu., Solovyova Yu.V. (2015) Zhiteli novyh rossijskih prigorodov: «chuzhie» ili «svoi»? [Residents of New Russian Suburbs: "Strangers" or "Friends"?]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], vol. 21, no 4, pp. 61–79. (in Russian)
- Zvyagintsev V., Neuvazhaeva M. (2015) *Pereselentsy iz goroda v sel'skuyu mestnost': fenomen «obratnoi migratsii» v sovremennoi Rossii* [Migration from Urban to Rural Areas: The Phenomenon of "Counter-urbanisation" in Modern Russia]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 24, no 1, pp. 101–135. (in Russian)